

Ещё не созрел, он ещё не созрел. Юноша холодно предостерег себя: сейчас ещё нельзя убивать его.

Луна за бортом лодки освещала камыши, словно иней, а ветер разбивал её свет на мерцающие волны.

Е Юй вдруг почувствовал, что у этого глупого парня на мгновение исказилось лицо, но, присмотревшись, увидел всё того же безразличного парня, жующего булочку с пустым выражением лица. Может, его уже кто-то пытался убить, и теперь он стал подозрительным? Ведь у этого малыша совсем нет навыков, так что беспокоиться, что он нападёт, не стоило. Лучше поскорее найти пристань и высадить его, — подумал Е Юй, зевнув, и залез в лодку. Внутри каюты едва хватало места для двоих, чтобы лечь спать.

Лодка двигалась медленно, и он никак не мог добраться до гор Куньлунь, гребя веслами. Даже если бы у него были силы, времени бы не хватило. Эта лодка без паруса была медленнее велосипеда. Может, высадив этого парня, он сможет найти надёжное транспортное судно и добраться до Куньлунь на грузовом корабле.

Решив, что делать дальше, Е Юй наконец смог спокойно заснуть. Он громко крикнул парню за бортом:

— Если устал, заходи спать. Не стой дураком на ветру, простудишься.

Не получив ответа, Е Юй беззаботно положил руки под голову и заснул глубоким сном меньше чем за три минуты. Лодка покачивалась на воде, словно бабушкин мост, а он, никогда не страдавший от укачивания, спал как младенец. Лунный свет проникал внутрь, и юноша, наклонившись, поднял занавеску у входа в каюту. Его чёрная тень протянулась внутрь, накрыв лежащее тело Е Юя.

Лицо юноши постепенно исказилось, словно разбитая маска, с трещинами, изгибающимися странным образом. Жадность и неконтролируемое волнение в его сердце исходили из самых примитивных инстинктов. В теле этого юноши росло то, что ему было нужно больше всего.

Семя Демонического Пути, происходящее из его собственных способностей, было посажено в тело Е Юя, и его аромат, растущий вместе с плотью и кровью этого тела, вызывал желание... разорвать юношу на части, съесть мясо с его конечностей, выпить всю его кровь, разгрызть кости, чтобы извлечь скрытую в них энергию. В конце концов взгляд юноши остановился на животе Е Юя. Он хотел вытащить оттуда созревшее семя вместе с внутренностями. Какое это было бы пиршество.

Не потревожив Е Юя, юноша в мгновение ока оказался рядом с ним. Он нежно и осторожно гладил его растрёпанные волосы, кончики пальцев касались длинных прядей, и шёлковистость их обволакивала его пальцы.

Е Юй спал спокойно, его лицо было мягким, без тени злости.

Это не было выражением человека, изучающего меч. Ни капли остроты, ни намёка на жажду убийства. Сердце воина было полностью разрушено.

Е Юй стал никем. Лучший ученик Люйсяо-цзы, единственный наследник Школы Дунсянь превратился в бесполезного человека.

Юноша вспомнил, как впервые увидел Е Юя, когда семя Демонического Пути только появилось.

Его способности достигли предела, и чрезмерная сила внутри него начала вызывать ужасное противодействие. Чтобы защитить себя, он был вынужден спрятать большую часть своей силы в семени. Ему нужно было тело с чистым сердцем, но острым духом, чтобы стать сосудом для семени. Как только семя вырастет и расцветёт, он сможет поглотить его и полностью овладеть силой внутри. После этого он больше не столкнётся с пределами и не будет контролироваться этой безумной силой.

В конце концов он намеренно позволил Люйсяо-цзы забрать это семя. Чтобы уничтожить семя, нужны были те же условия, что и для его выращивания. Люйсяо-цзы, глупый и честный, посадил семя в тело Е Юя, чьё сердце было чистым, а дух острым. Как только семя расцветёт и наберёт полную силу, Люйсяо-цзы вложит всю свою мощь в тело Е Юя, чтобы уничтожить силу Демонического Пути внутри него. Какая прекрасная, но глупая идея.

Когда он вошёл в Школу Дунсянь и спокойно подошёл к Люйсяо-цзы, тот уже был на грани смерти.

На столе лежала доска для игры в го, а Люйсяо-цзы, в широких рукавах и одеждах, выглядел спокойным и старым.

Он сел напротив, с безмятежным и сострадательным взглядом глядя на Люйсяо-цзы. Внешняя сила только сделает созревшее семя ещё более яростным. И Е Юй, и Люйсяо-цзы будут поглощены семенем и станут удобрением.

А Люйсяо-цзы считал, что Е Юй сможет силой своей воли победить злые мысли и силу Демонического Пути, а затем использовать вложенные в него мечтовые энергии, чтобы уничтожить силу созревшего семени.

Если уничтожить семя, это нанесёт удар по Демоническому Пути.

За пределами Школы Дунсянь бамбуковая роща сражалась с сильным ветром. В последний момент он и Люйсяо-цзы сидели перед доской для го, неподвижные, как горы.

Он не воспользовался возможностью убить Е Юя, пока Люйсяо-цзы был на грани смерти. Для него было интереснее наблюдать, как Люйсяо-цзы умирает в отчаянии, а Е Юй разрушает себя,

не выдерживая силы.

Сила семени росла в яростном вихре, и он ясно чувствовал его жажду поглощения. Чёрный камень для го был зажат между пальцами, он спокойно ждал. Ещё чуть-чуть, и оно созреет.

Люйсяо-цзы открыл свои слабые, но глубокие глаза. Его меч был сделан из бамбука, самого обычного, который рос повсюду в горах Школы Дунсянь. Этот бамбук лежал у него на коленях.

На доске для го белые и чёрные камни сражались беззвучно и молчаливо. Он произнёс:

— Чао Минь, ты обладаешь невероятным талантом, но у тебя нет сердца. Твоё мастерство в боевых искусствах велико, но тебе не хватает понимания чувств. Если ты продолжишь идти по пути к вершине силы, ты упадёшь в ад убийств и станешь бездушным демоном.

Он лишь улыбался, глядя на Люйсяо-цзы, делая вид, что слушает с искренним интересом. Затем он бросил камень на доску:

— Ты проиграл.

Люйсяо-цзы тоже почувствовал, как семя вырвалось наружу, и жизненная сила Е Юя иссякла. Его мечтовые энергии рассыпались в прах. В конце его глаза медленно закрылись, такими старыми и спокойными, оставив лишь вздох, смысл которого был неизвестен.

Лёгкий ветерок ворвался в бамбуковый дом, и тело Люйсяо-цзы, сидевшее прямо, рассыпалось, как песок, превратившись в пыль в воздухе. Вся его сила была потеряна, даже до последней капли, и в конце даже его кости рассыпались в прах.

Юноша по имени Чао Минь смотрел на доску с наивным видом, невинно улыбаясь:

— Эх, я так ненавижу, когда старики читают мне нотации, это раздражает.

Хорошо, что Люйсяо-цзы сам превратился в прах, иначе он не отказался бы помочь этому старику.

Он смахнул камни с доски, затем встал, двигаясь лениво. Для него и Люйсяо-цзы, и Е Юй стали удобением для семени. Самое интересное уже произошло, а оставшаяся часть — сбор урожая — казалась скучной. Настолько скучной, что он даже хотел зевнуть. Но прежде чем он успел сделать этот ленивый жест, его наивная маска разрушилась. В его спокойных глазах вспыхнули тьма и возбуждение, когда Е Юй, казалось бы, уже мёртвый, сделал глубокий вдох, нарушив скорость созревания семени.

Чао Минь повернул голову, стоя в бамбуковом доме. Подавленная жизненная сила семени была похожа на бамбуковый побег в этом лесу, издавая чёткий звук прорыва сквозь землю, синхронно с ростом бамбука. На мгновение было невозможно отличить действия Е Юя от шелеста бамбуковых листьев.

Семя, поглотившее силу Люйсяо-цзы, странным образом остановило свой рост, затихнув беззвучно. Казалось, всё вернулось на круги своя, и семя, вырвавшееся из оболочки, снова сжалось внутри, больше не двигаясь. Оно не было уничтожено, но и не созрело.

А жизненная сила Е Юя стабилизировалась, пробуждаясь в ритме его сердцебиения. Эта чистая, милая жизненная сила была похожа на прекрасную мелодию, столь мощную, что она вызывала дрожь. Чао Минь вышел на бамбуковую веранду, поднял взгляд и смотрел вдаль, слушая, как его сила сливается с силой другого человека в крошечной тьме. Это чувство... вызывало в нём крайнее возбуждение.

Он вышел из бамбукового дома, легко прыгнул на бамбуковые листья. На горизонте густая тьма начала рассеиваться, и утренний свет, как белый туман, осветил бамбуковые леса Школы Дунсянь.

На вершине густого бамбукового леса, словно на зелёном ковре из листьев, он уверенно шёл. И тогда он увидел Е Юя — впервые увидел этого юношу, в котором росло его семя.

<http://bllate.org/book/15304/1352572>